

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Это просто позор, а не почерк.

Я слышу эти слова, но как будто издалека. Как будто кричат из-за стены. Я продолжаю смотреть на лежащий передо мной лист бумаги. Я могу прочитать написанное. Могу разобрать каждое слово, хоть перед глазами всё и расплывается из-за слёз. Я чувствую, что на меня усталился весь класс. Моя лучшая подруга. Её новая подруга. Новенькая девочка. Кое-кто из мальчишек смеётся.

Я всё смотрю на свой листок. Но он вдруг исчезает.

Мисс Мёрфи схватила его с парты и рвёт на клочки. Звук рвущейся бумаги ужасно громкий. Он отдаётся прямо у меня в ушах. Герои рассказа, который я писала, умоляют мисс Мёрфи прекратить, но она не слушает. Она сминает обрывки и бросает в мусорную корзину. Промахивается. Мой рассказ кучкой лежит на шершавом коврике.

— НЕ СМЕЙ больше писать так небрежно! — кричит мисс Мёрфи. Может, она и не кричит, но так кажется. — Тебе ясно, Аделина?! — Мне больше нравится, когда меня называют Адди. — Никогда. В твоём возрасте стыдно иметь такой почерк. Как у дошкольницы.

Вот бы здесь была моя сестра. Киди всегда объясняет мне то, что я не могу контролировать или объяснить себе сама. Она во всём находит смысл. Она понимает.

— Ты меня поняла?

Крики такие громкие, а после них так тихо. Я неуверенно киваю. Хотя и не понимаю. Я просто знаю, чего от меня ждут.

Больше мисс Мёрфи ничего не говорит. Она идёт к доске. Со мной покончено. Я чувствую, как новенькая пялится на меня, а моя подруга Дженна шепчется со своей новой подругой Эмили.

В этом году нашей учительницей должна была быть миссис Брайт, она вела у нас несколько занятий перед летними каникулами. Рядом со своей подписью она рисовала улыбающееся солнышко, а если ей казалось, что ты нервничаешь, она брала тебя за руку. Но миссис Брайт заболела, и наш класс взяла мисс Мёрфи.

Я думала, что в этом году в школе будет лучше. Что я буду лучше.

Я вытаскиваю свой тезаурус — карманный словарь синонимов. Киди подарила мне его на Рожде-

ство. Она знает, что я обожаю использовать разные необычные слова, и мы смеялись, потому что «тезаурус» звучит как название какого-то динозавра. Я читаю слово за словом, чтобы успокоиться и переварить крики и звук рвущейся бумаги.

Нахожу одно подходящее. Унижение.

*

В такие дни, как сегодня, на большой перемене я иду в библиотеку. Звонок звенит ужасно пронзительно, мы задвигаем стулья и выходим из класса, и я чувствую, что все смотрят на меня. От громких звуков у меня кружится голова, ощущения такие, будто сверлят чувствительный зуб. Я иду по коридорам и стараюсь дышать ровнее и смотреть только прямо. Все разговаривают очень громко, даже если идут совсем рядом. Подходят слишком близко, толкаются и шумят так, что у меня горит шея и сердце бьётся быстро-быстро.

Наконец я в библиотеке: здесь тишина. И так просторно. Одно окно открыто, чтобы впустить свежий воздух. Говорить громко здесь нельзя. Все книги снабжены этикетками и распределены по секциям.

А за своим столом сидит мистер Эллисон.

— Адди!

У него тёмные кудрявые волосы, он высокий и для мужчины — худой. Носит большие очки

и растянутые джемперы. Если описывать мистера Эллисона словом из тезауруса, я бы сказала, что он добродушный.

Но мне нравится называть его приятным. Потому что он правда такой. Мой мозг всё визуализирует. Он всё переводит в картинки, и, когда кто-то произносит слово «приятный», я сразу же вспоминаю мистера Эллисона, библиотекаря.

— У меня есть кое-что специально для тебя!

Мне нравится, что он не задаёт дурацких вопросов. Его не интересует, как прошли каникулы или как дела у сестёр. Он просто сразу начинает говорить о книгах.

— Вот.

Он подходит к одному из столов и кладёт на него большую книгу в твёрдом переплёте. Недавние противные ощущения исчезают.

— Акулы!

Я тут же раскрываю книгу и провожу ладонью по первой глянцевой странице. В прошлом году я сказала мистеру Эллисону, что обожаю акул. Что для меня они — самые интересные существа, даже интереснее древних египтян и динозавров.

Он запомнил.

— Это энциклопедия, — говорит он, пока я устраиваюсь с книгой. — То есть книга, которая посвящена какой-нибудь одной теме или области знаний. Эта — об акулах.

Я киваю, слегка оторопев от восторга.

— Правда, я подозреваю, что тебе уже и так известно всё, о чём здесь написано, — говорит он со смехом, и я понимаю, что он шутит.

— У акул нет костей, — отвечаю я, поглаживая фотографию синей акулы. — И у них шесть чувств, а не пять. Они улавливают электрические сигналы окружающей среды. Сигналы, исходящие от других живых существ! И ещё они чуют кровь за много километров.

Порой у них случается сенсорная перегрузка*. Для них всего чересчур много, всё слишком громкое.

Я переворачиваю страницу. Там фотография: гренландская акула, совсем одна, плавает в ледяной воде.

— Люди их не понимают. — Я трогаю акулий плавник. — Вообще-то, многие их даже ненавидят. Не понимают, вот и боятся. И поэтому обижают.

Мистер Эллисон молчит, пока я читаю первую страницу.

— Возьми книжку домой, Адди, на сколько хочешь.

Я поднимаю на него взгляд. Он улыбается, но только губами. Не глазами.

* При сенсорной перегрузке мозг получает слишком много сигналов от органов чувств, и ему трудно справиться с избытком внешних раздражителей (звуков, запахов, света, прикосновений, информации, сильных впечатлений и др.). Такое состояние характерно для аутичных людей, так как у них часто обострена чувствительность. — *Прим. ред.*

— Спасибо!

Я стараюсь вложить в голос всю свою радость, чтобы дать ему понять, что я правда рада. Мистер Эллисон возвращается к себе за стол, и я ныряю в книгу. После урока с чересчур шумными и буйными одноклассниками чтение успокаивает лучше всего. Можно не торопиться. Никто не подгоняет и не рывкает на меня. Все слова подчиняются правилам. Фотографии яркие и живые, но не настолько, чтобы у меня случилась перегрузка.

По ночам, пытаясь уснуть, я люблю представлять, что погружаюсь в холодные океанские волны и плаваю с акулой. Мы исследуем обломки кораблей, подводные пещеры и коралловые рифы. Всё цветное, но вокруг бескрайние водные просторы. Здесь нет толп, никто не толкается и не болтает. Я не стану хватать акулу за спинной плавник. Просто буду держаться с ней рядом.

И нам не нужно разговаривать. Мы можем просто быть.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Время в ожидании сестры тянется дольше всего.

Когда я прихожу из школы, папа уже готовит ужин. Сегодня понедельник, значит, будет паста. Я люблю самую простую. Если соуса слишком много, язык в нём как будто тонет, поэтому папа делает соус бешамель для меня и какой-нибудь другой для остальных — себя, моих старших сестёр и мамы, когда она дома.

— Чай почти готов, Адди.

Папа знает, что нельзя сразу приставать с расспросами. Мне нужно привыкнуть к обстановке — так Киди сказала. Сначала она объяснила это мне, а потом папе, и тогда стало легче.

Я помогаю накрыть на стол. Мы подбрасываем пасту к потолку: прилипнет или нет? Одна спагеттина падает, и папа ловит её ртом, со смехом съедает и кричит, чтобы Нина заканчивала сидеть перед камерой и спускалась ужинать. Он не слышит, как наверху чиркают по полу ножки стула,

как жужжит, задвигаясь, объектив и как с обречённым щелчком закрывается дверь её спальни.

Но я слышу.

Нина — моя старшая сестра, она всегда дома и всегда чего-то хочет. Чего именно — не знаю. Жить в другом месте, жить идеальной жизнью, видимость которой она создаёт в своих роликах. Розово-золотой, чистой и опрятной жизни.

У Нины тёмно-рыжие волосы, но она красится в блондинку. Проколоты у неё только уши. Она носит юбки из шотландки и водолазки. В её комнате стоят камера на высоком штативе и внушительные лампы для съёмки. Через эту камеру она разговаривает с десятками тысяч людей об одежде и макияже.

Я ни разу не видела, чтобы в жизни Нина улыбалась так же, как в своих видео.

— О чём снимала сегодня?

Папа постоянно спрашивает об одном и том же. Он это называет «налаживать контакт». Считает, что людям важно чувствовать, что другие интересуются их жизнью. Вот если мне кто-то интересен, я могу задать сотни вопросов, причём самых разных.

— Просто стримила, — говорит Нина, накладывая себе маленькую порцию. От соуса, которым она чуть сбрызгивает пасту, у меня жжёт в носу. — Просмотры упали, ведь я больше не снимаю обзоры на новые коллекции.

Мама сказала Нине, что скупать каждый месяц такую кучу вещей — расточительство. Был скандал с хлопаньем дверьми, и у меня из-за этого дрожали руки.

Нина встаёт и, распахнув холодильник, ищет там сок.

— Где она?

Я заметила, что, когда Нина говорит о Киди, её голос приобретает особую окраску. У её голоса два оттенка. Тёмный и светлый. Оба — для Киди. Но мне неизвестно, что они означают.

Я жду не Нину, а Киди.

Папа не отвечает, а я знаю, что сестра обращалась не ко мне, потому что на меня не смотрела. Я накручиваю спагетти на вилку. На это нужно некоторое время.

— Что нового в школе?

Я чувствую взгляд Нины прямо у себя на плечах. И поэтому ими пожимаю. Она подсаживается к столу:

— Адди, я тебя спрашиваю.

— Нина, — мягко упрекает её папа.

— Не помню, — говорю я.

Нина сейчас скажет, что я вру, но это не так. Как только я выхожу из школы, мне трудно собрать воспоминания воедино. Они сложатся в чёткую картинку только через пару дней.

— У тебя ведь прекрасная память. — Нина так скребёт приборами по тарелке, что мне плохо. —

Если она говорит, что не помнит, значит, что-то не так. — Это уже папе, не мне.

— Тебе нравится ваша учительница?

Перед глазами проносится образ мисс Мёрфи. Один из её зубов, особенно жёлтый. Длинные ногти.

— Она точно такая, как говорила Киди.

Нина резко кладёт приборы на стол.

— Слушай... Ты так считаешь только из-за слов Киди. Адди, она училась у мисс Мёрфи давным-давно. У вас мисс Мёрфи ведёт всего-то чуть больше недели, ты не можешь знать, что она за человек.

— Тогда зачем ты спросила?

Я не понимаю Нину. Она хочет извлечь из нашего разговора что-то, чего я не могу ей дать. С людьми, которые смотрят её видео, она общается так, как будто они ей нравятся. Иногда я наблюдаю за ней. На субботних занятиях психотерапевт раскладывал передо мной фотографии людей, которые носят разные лица. «Людей с разными выражениями лиц», — поправил он меня. Но ведь у них правда разные лица. Он просил меня определить, что эти люди чувствуют, но я так и не поняла, как это сделать. Как определить, как узнать, что с ними происходит.

Но я тренируюсь, и у меня стало получаться. Я наблюдала за Ниной. Она смотрит в камеру и широко улыбается. Она рада; ей нравятся те,

с кем она разговаривает. Но ведь они незнакомые. Она даже их не видит. Я её сестра. Но на меня Нина смотрит с лицом, которое я не могу прочесть.

Я никогда не понимаю, чего она хочет.

И вдруг я слышу его. Тихое постукивание в большое кухонное окно. Папа с Ниной ничего не замечают, но я уже срываюсь с места, чтобы открыть раму. Я слышу, как костяшки пальцев касаются стекла ещё до того, как стук раздаётся.

Киди пришла.

Пригнувшись, она пролезает в кухню через окно. Я обнимаю её. Она единственная, кого я обнимаю. Она никогда не сжимает меня слишком крепко, не сдавливает. Не пользуется резкими духами, которые бьют в нос, а только нежным мылом, которое пахнет домом.

— Привет, мой самый любимый человек. — Её голос всегда одного цвета: он как прекрасное расплавленное золото.

Я улыбаюсь, уткнувшись ей в рёбра. Она ничего не спрашивает. И разжимает объятия, как только я её отпускаю.

— Может, я брошу универ и начну инфлюенсить как ты, Нина. — Киди плюхается на стул рядом с моим и выгребает остатки пасты. — Терпеть не могу своих сокурсников, и аудитории просто ужасные.

— Очень смешно. — Это сарказм, но Нина почти не улыбается. — Что не так с аудиториями?

Киди смотрит на меня и ухмыляется. Я автоматически ухмыляюсь в ответ.

— Свет плохой.

Я понимающе киваю.

— Ясно. — Нина отпивает сок. — Очередной ваш секретик.

Плохой свет — это когда лампы такие яркие, что у людей вроде нас начинает болеть голова. И глаза тоже болят — от визуального шума.

Киди и Нина — близняшки. Но Киди не такая, как Нина. Она такая, как я. Мы с ней аутичные.

*

После ужина мы с Киди гуляем у реки Лейт. Нам нравится, как хрустит под ногами гравий на дорожке, ведущей вниз, к илистому берегу. Я протягиваю руку к листику на дереве: скоро он поменяет цвет, а потом умрёт. Когда мама впервые рассказала мне, что происходит с листьями, у меня была истерика, но мама объяснила, что так и должно быть. И что умирать им не больно.

— Мисс Мёрфи сегодня на меня накричала. — Я пинаю камушек, он взмывает в воздух и падает в воду. — Потому что у меня неряшливый почерк.

Киди останавливается и смотрит на меня. Я знаю, что ей будет сложно прочитывать моё лицо. Мы поднимаемся на мост. У меня в руках палочки, которые я приготовилась бросать в реку.

— Адди, она поступила нехорошо.

— Она не прочитала то, что я написала. Сказала, что не смогла.

— Всё дело в моторике. — Киди останавливается и ласково берёт меня за руки.

— В моторике?

— Наш мозг посылает рукам сигналы. Отдаёт им команды. — Она касается пальцем моей ладони, а потом — виска. — У тех, кто... другой, это происходит немного иначе. Рукам сложнее выполнять все команды мозга. На то, чтобы написать слова правильно и в нужном порядке, времени хватает, а на аккуратность и красоту — уже нет.

— Понятно. — Я останавливаюсь и обдумываю слова Киди.

— У меня такой же почерк. — Она подталкивает меня локтем и смеётся. — Поэтому Нина не даёт мне подписывать наши общие рождественские открытки.

Я смеюсь, вспомнив, как в прошлом декабре Нина сидела у камина, веером разложив перед собой открытки. Она очень серьёзно подошла к процессу подписывания и к упаковке подарков тоже.

— В универе я печатаю на ноутбуке, — добавляет Киди. — Мне так гораздо проще.

Я закусываю нижнюю губу:

— Вряд ли мисс Мёрфи такое одобрит.

— Не одобрит, — вздыхает Киди. — Насколько я помню, она терпеть не может всё, что облегчает кому-то жизнь.

— В этом году у нас новенькая. — Я меняю тему: мама говорит, так нужно делать, если тебе больше нечего сказать. — Она из Лондона.

— Интересно.

— Кажется, у неё ещё нет друзей.

— Тогда, может, тебе с ней подружиться? — Киди жестом показывает мне, что можно бросать палочки.

— Будет хорошо, если ей понравится библиотека. — Я кидаю первую палочку и смотрю, как в стороны летят брызги.

— А что Дженна?

— Она теперь сидит с Эмили. Мне кажется, Эмили меня не любит.

С Киди можно таким поделиться. Мама или Нина сказали бы, что я выдумываю и что мне нужно просто подсесть к ним в обед и общаться с обеими.

Просто будь милой и вежливой. Конечно, эта девочка захочет, чтобы и ты стала её подругой.

Киди знает, что всё не так просто. Что первые впечатления — это жуть. Что подружиться с кем-то нелегко. Я замечаю все шепотки, взгляды и смешки. И я знаю, что ничего хорошего в них нет.

— Тогда тебе точно стоит подружиться с новой девочкой, — говорит Киди.

Я киваю. За последние несколько лет что-то изменилось. Раньше подойти к кому-нибудь на дет-

ской площадке и предложить поиграть было легко. Теперь все сидят маленькими группками и не играют, а только разговаривают.

Я скучаю по играм.

— Знаешь, — Киди убирает с лица золотистые волосы, — в универе я никому не сказала, что я аутичная.

Я поднимаю голову. Киди такая высокая, ноги у неё, кажется, длиннее, чем всё моё тело. Я всегда смотрю на неё снизу вверх.

— Почему?

Киди никогда не скрывала, что аутичная. Как говорит папа, она заявляет об этом «громко и гордо». Ей поставили диагноз примерно в том же возрасте, что и мне, между девятью и десятью годами. Мама рассказывала, что у Нины всё было вовремя: она рано начала ходить и произносить первые слова, ей нравилась практически вся еда, она хорошо успевала в школе. Киди заговорила только в пять лет. Она шутит, что до этого ей просто нечего было сказать. Она с трудом контролировала эмоции, плохо ладила с другими детьми, препиралась с учителями. Включалась в учёбу, только если ей было интересно. Порой маме звонили из школы, потому что Киди, например, ушла посреди урока математики.

Киди всё мне объясняет. Почему у меня плохой почерк и почему от громких звуков и ярких цветов полыхает в голове.

Ей объяснить было некому.

— Многие до сих пор не понимают, Адди.

— Но... — Я вдруг чувствую сильную потребность «постимить». Этот разговор меня перегружает. — Разве постоянная маскировка не сложнее?

Стимминг* — то, что я делаю, когда не справляюсь с эмоциями. Я быстро-быстро трясую кистями, хлопаю, руки-ноги становятся беспокойными. Иногда мне очень надо шлёпать себя ладонью по затылку. Стимминг бывает нормальным и не очень, но чаще всего приходится его скрывать. Маскировка — это когда мы притворяемся нейротипичными, то есть такими, как все. Подавляем желание стимить, хотя это помогло бы прийти в себя, и пытаемся поддерживать прямой зрительный контакт. Киди говорит, что мы как супергерои, которые вынуждены притворяться обычными людьми.

— А, это у меня получается всё лучше и лучше. — Киди подмигивает мне, её большие зелёные глаза сияют, и мне сложно прочесть её взгляд.

Люди — не то, что книги. Знакомая книга всегда одна и та же, она всегда утешит, слова и картинки в ней не изменятся. Знакомый человек бывает

* Разговорное название для аутостимуляции (иначе — самостимуляции, или стереотипии). Это повторяющиеся действия (стимы), которые помогают успокоиться, сосредоточиться или прийти в себя. Отсюда и глаголы — «стимить», «стимиться». Такое поведение характерно для аутичных детей. У каждого свои способы стимминга, и иногда они могут показаться окружающим непривычными. — *Прим. ред.*

новым и непонятным, даже если ты пытался прочитать его много раз.

По пути домой Киди вдруг останавливается.

— Хочешь, побежим с холма?

— Да! — кричу я.

И мы бежим. Я размахиваю руками свободно и радостно, я стимулю, и никто не запрещает. Киди кричит «У-ху!» и поёт. Запыхавшись и развеселившись, мы скатываемся к подножию холма. Киди коротко обнимает меня сзади, и мы идём домой в сентябрьских сумерках.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Привет, Дженна.

Все стоят под дверью класса и ждут, когда можно будет войти, и я решаю поговорить с Дженной. Мы дружим с садика, и она даже оставалась у нас дома с ночёвкой. Но летом я её совсем не видела, а всё время в школе она пока что проводит с Эмили.

— Привет, Адди.

Она избегает смотреть на меня. Я не обижаюсь: мне и самой не всегда нравится смотреть на других. Особенно когда я пытаюсь сказать что-нибудь важное. А вот Эмили на меня смотрит. Нарочито оглядывает с головы до ног, чтобы я точно заметила. И берёт Дженну под руку.

— Ты что-то хотела? — спрашивает Эмили медленно и громко, наклонив голову набок, словно немецкая овчарка.

Непонятно, зачем она всегда говорит со мной так медленно, на самом деле мне больше нравится, когда люди говорят быстро.

— Хотите сегодня пообедать со мной во дворе? — предлагаю я обеим, хотя почти не знаю Эмили.

Игровая площадка не очень большая, её почти полностью занимают мальчишки со своим футболом, но около велосипедной парковки есть кусочек газона, где потише и поспокойнее.

— М-м, — Дженна косится на Эмили и переминается с ноги на ногу.

— Нет, — отвечает за неё Эмили и гаденько улыбается. — Она не хочет. Не хочет обедать с тобой, Адди. И никто не хочет.

— Я хочу.

Мы втроём оборачиваемся. Неподалёку стоит новенькая, Одри: она, судя по всему, слышала весь разговор. Для нашего возраста она высокая, почти как Киди, у неё чёрные волосы и карие глаза.

— Вообще-то, — отвечает ей Эмили, но выглядит уже не так уверенно, как секунду назад, — мы не с тобой разговаривали. Тебя никто не спрашивал.

— Да, ты права. — Одри проходит мимо Эмили, смерив её взглядом точно так же, как Эмили оглядывала меня. — Никто.

Тут звенит звонок, и Одри заходит в класс, а Дженна издаёт такой звук, будто поперхнулась.

— Эм, она сказала, что ты никто.

Всё лицо у Эмили розовеет, и мне её немного жаль. Всякий раз, когда мне становится жаль человека, которого я плохо знаю, я теряюсь и не пони-

маю, что сказать. Так что я, минуя Эмили и Дженну, проскальзываю в класс. Когда я иду мимо Одри, она поднимает голову и кивает мне. Я не знаю, как себя вести, поэтому просто киваю в ответ.

Все поспешно рассаживаются, и входит мисс Мёрфи с кружкой горячего чая. Я смотрю, как она отхлёбывает чай, и меня передёргивает. Не переношу горячих напитков. Они всегда не той текстуры, всегда обжигают язык.

— Уверена, сегодня нам будет весело, — говорит мисс Мёрфи, облачаясь на стол. — В преддверии Хэллоуина у нас очень интересный проект. Как вы помните, на прошлой неделе я говорила, что мы, как гордые жители славного города Эдинбурга, будем изучать его исторический центр.

Не понимаю я людей в нашей деревне. От нас до Эдинбурга довольно далеко, но они изо всех сил делают вид, что это не так. И Нина тоже. Подписчикам она рассказывает про свой таунхаус в Эдинбурге, хотя на самом деле мы живём в Джунипере, в двухквартирном доме, и у нас одна ванная на пятерых. Но Джунипер — очень симпатичная деревенька. Несколько домов, церковь, наша школа, один супермаркет, одна стоматология, одна больница, одно бюро ритуальных услуг и один банк.

Почему всем так хочется быть из Эдинбурга, мне не понять.

— Ну что ж, может ли кто-нибудь ответить, — мисс Мёрфи делает секундную паузу и методично

окидывает класс взглядом, — за что в стародавние времена вас могли бы окунуть в Нор-Лох?

Я знаю, что на месте эдинбургского парка Принсес-стрит-гарденс когда-то было озеро под названием Нор-Лох, но впервые слышу о том, что в него кого-то окунали.

Видимо, не я одна, потому что никто не отвечает.

— Дженна?

Дженна, которая шепталась с Эмили, поднимает взгляд, словно испуганный кролик.

— Хм-м...

— Ну ладно. — Мисс Мёрфи подходит к доске. Она рисует женщину, и, как только изображает остроконечную шляпу, многие вскрикивают:

— ЭТО ВЕДЬМА!

— Да! Давным-давно в Эдинбурге, как и во многих других местах в Шотландии, судили и казнили ведьм.

Я гляжу на мисс Мёрфи, и весь воздух как будто испаряется из класса. Одноклассникам, кажется, очень весело. Но весь мой мир словно перетряхнули и перевернули с ног на голову. Ведьмы! Настоящие ведьмы! Здесь, в Шотландии. Даже не верится: это слишком волнующе, слишком замечательно.

Я невольно вскакиваю.

— Настоящие ведьмы, мисс? — Я во все глаза смотрю на мисс Мёрфи, мне не терпится узнать больше.

— Сядь, Аделина.

— Конечно, не настоящие, тупица, — громко говорит Эмили, перегнувшись через парту, чтобы бросить на меня уничтожающий взгляд.

Однажды мисс Мёрфи отчитала кого-то из мальчиков за то, что он назвал другого «тупицей», но Эмили она не отчитывает.

— Правильно, Эмили. — Мисс Мёрфи продолжает урок, а я неуверенно сажусь. — Конечно, это не могли быть настоящие ведьмы, ведь их не существует.

— Почему тогда их судили и казнили? — спрашиваю я, не раздумывая.

Каждая клеточка моего тела ожила и горит желанием выяснить всё. Если мне что-то интересно, мне нужно узнать абсолютно всё и сразу. По-другому я не могу. В такие моменты мне кажется, что информация поступает слишком медленно.

— Аделина, я не разрешаю выкрикивать, — отрезает мисс Мёрфи. — Помолчи.

Руки у меня начинают сами собой выкручиваться. Для моего возбуждённого мозга она объясняет слишком медленно.

— В ведьмовстве могли обвинить по самым разным причинам. Например, если человек — левша. Даже такой мелочи было достаточно, чтобы попасть под подозрение. У нас в классе есть левши?

Одри, новенькая, поднимает руку.

— Значит, тебя, девочка моя, — мисс Мёрфи указывает на неё мелком, — могли бы объявить ведьмой.

Судя по всему, Одри такое заявление совсем не радует. У меня тысяча неотложных вопросов, и я ёрзаю на стуле, пытаюсь удержать их в голове.

— Ведьм «купали» в Нор-Лох — так называлось испытание. Им связывали запястья и лодыжки и бросали в воду! Если они всплывали, значит, были виновны в колдовстве. А если тонули, то невиновны. Тех, что всплывали, доставали из озера и везли на улицу Каслхилл, где сжигали или вешали.

— Но ведь такой суд нельзя выиграть! — снова встречаю я, и мисс Мёрфи закатывает глаза. — Они в любом случае погибали.

— Да, — признаёт мисс Мёрфи. — Это каверзное испытание.

Я чувствую... чувствую, что злюсь. В животе засело тяжёлое, как камень, ощущение несправедливости. Я представляю, как страшно и одиноко было женщинам, когда их с громким плеском бросали в холодную воду: или тони, или жди новых страданий.

— Иногда их даже пытали. И некоторые женщины, которых судили за ведьмовство, жили в нашей деревне!

Я смотрю на остальных. Обычно мне трудно читать лица, но сейчас я не понимаю, почему

никто не взволнован так же, как я. Руки у меня дрожат, их срочно нужно куда-то деть, и я как можно крепче сжимаю тезаурус.

— Единственное, что могли сделать местные женщины для своей безопасности, — это быть неприметными.

— Что вы имеете в виду? — спрашивает Эмили.

Мне хочется сказать, что быть неприметной — значит быть обычной и не выделяться, но я молчу. Моё возбуждение слишком сильно. Ноги готовы мчаться в библиотеку, чтобы я прочитала о ведьмах как можно больше, а потом скорее нести меня из школы к Киди.

— Да-да, — самодовольно усмехается мисс Мёрфи. — Если ты не такая, как все, тебя бы, скорее всего, судили и признали виновной.

— Тогда Адди бы сожгли, — хихикает Эмили.

Остальные смеются, и мисс Мёрфи тоже. Я их почти не слышу. Я представляю книги, которые хочу прочесть.

— Мисс, в Джунипере казнили много женщин? — Я встаю со стула, практически зависаю над ним.

— Точное их число нам неизвестно. — Улыбка исчезает с лица мисс Мёрфи. — Но, судя по источникам, как минимум пятьдесят, и не только в Джунипере, но и в окрестных деревнях.

Я вспоминаю, как на главной дороге, ведущей в Джунипер, случилась авария. Люди при-

носили цветы и фотографии жертв. Прошёл уже год, но этот мемориал до сих пор существует. Ещё я вспоминаю военный мемориал, где среди имён других погибших выбито имя моего прадедушки. Это всё, что от него осталось. Мозг стремительно показывает мне эти картинки, и из них рождается вопрос.

— А в Джунипере есть... — я пытаюсь как можно скорее подобрать нужное слово, — ...памятник этим ведьмам?

— Конечно, нет. — Мисс Мёрфи качает головой и строго смотрит на меня. — Что ещё за нелепость.

— Но если погибло так много женщин...

— Достаточно. Ты уже достаточно меня перебивала.

Урок идёт дальше, а я мысленно уношусь в библиотеку. Чувствую, как Одри смотрит на меня, даже когда звенит звонок, но меня как ветром сдувает со стула.

*

— Что случилось, Адди? Ты, кажется, запыхалась.

— Всё хорошо, — отвечаю я мистеру Эллисону, ворвавшись в библиотеку. — Пожалуйста, дайте мне все книги о ведьмах, которые у вас есть.

— Все книги! — Мистер Эллисон смеётся, сложив руки на груди, и направляется к секции художественной литературы.

— Нет, мне нужны исторические книги о судах над ведьмами в Шотландии, — уточняю я, торопясь за ним.

— А, понял. — Мистер Эллисон отходит от полок и обводит взглядом всё помещение. — Думаю, парочку смогу найти. Вам мисс Мёрфи обо всём рассказала?

— Не обо всём, — уныло отвечаю я. — Она сказала совсем немного.

— Если я хоть сколько-нибудь тебя знаю, — говорит мистер Эллисон, снимая с полки толстый справочник, — ты не успокоишься, пока не узнаешь абсолютно всё.

Я беру томики, которые он для меня отобрал, и сажусь за стол. Мистер Эллисон никогда мной не насмехается. Не закатывает глаза и не спорит. Он понимает.

— А как дела с акулами? — спрашивает он, пока я раскладываю перед собой новые книги.

— Хорошо, — отвечаю я и ставлю на стол ланч-бокс. — Ни одна большая белая акула не выжила в неволе. Они почти сразу умирают.

— О. — Мистер Эллисон слегка хмурится. — Это не очень хорошо.

— Вообще-то, хорошо, — говорю я. — Из-за этого люди перестали их ловить. Белые акулы могут жить спокойно.

— Да, жить в неволе наверняка невесело.

Я качаю головой:

— Совсем невесело.

— Не забудь поесть, Адди.

Иногда я так сосредоточиваюсь на чтении, что забываю о еде. Мистер Эллисон, очевидно, это заметил.

Он не против, чтобы я обедала в библиотеке, главное — ничего не запачкать, поэтому я аккуратно жую сэндвич из серого хлеба с курицей и майонезом, не отрываясь от энциклопедии об Эдинбурге. Я читаю очередную главу, когда рядом с моим ланч-боксом оказывается другой и в поле зрения возникает чья-то фигура.

Одри.

— Ищешь информацию о судах над ведьмами? — спрашивает она. Похоже, ей и правда интересно. Просто иногда кажется, что кто-то спрашивает искренне, но на самом деле издевается. Поэтому я настороже.

— Да, — отвечаю я. — Мисс Мёрфи рассказывала недостаточно подробно. Я хочу разобраться.

— Мне жаль, что в классе такое про тебя говорили.

У неё не такой акцент, как у всех нас. Не такой резкий и колючий. Но и не такой, как у англичан, которые ведут новости по телевизору.

Я отмахиваюсь.

— Ничего. Они всё время так говорят.

Я лихорадочно переворачиваю страницу, чтобы проглотить следующую.

— Можно с тобой? Поищем вместе.

Я поднимаю взгляд и пытаюсь прочесть её лицо. Сейчас я слишком взбудоражена, чтобы маскироваться как следует. Но, кажется, она и правда хочет помочь.

— Хорошо.

Одри улыбается, открывает ланч-бокс и придвигает свой стул поближе. Мы сидим рядом и молча читаем.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

— Что мы вообще здесь делаем?

Мы с мамой, папой и Киди сидим в третьем ряду в зале дома культуры Джунипера. Люди потихоньку стекаются на собрание комитета, которое проводится раз в два месяца. Я соврала о том, во сколько оно на самом деле начинается, чтобы мы пришли пораньше. Мама с папой не слишком довольны.

Нина, чьё лицо почти скрыто вязаным шарфом, только что вошла. Взгляд у неё недоуменный. Она пробирается через весь ряд к нам и садится рядом с Киди.

— Мы здесь, — отвечает ей Киди, — потому что Адди хочет кое-что предложить.

Нина смотрит на меня, а затем перегибается к маме с папой, которые сидят с другой стороны:

— Что предложить?

— Не спрашивай. — Мама ещё не отдохнула после смены в больнице и еле сдерживает зеवоту. — Адди не признаётся. Нас всех сюда загнали после ужина.

Я смотрю, как члены комитета рассаживаются, смотрят на часы и пожимают друг другу руки. Пятеро мужчин и одна женщина, все — ровесники моих бабушки и дедушки.

— Адди, — говорит Нина своим взрослым тоном, — это ведь не какая-нибудь глупость?

— Уж не глупее, чем зарабатывать разговорами о косметике на камеру, — тихо говорит Киди, не глядя ни на кого из нас.

Я довольно включена в происходящее, поэтому успеваю заметить, как на лице Нины мелькает обида, прежде чем она закатывает глаза. Мне её жаль, я не считаю, что её влог — это глупо. Мне кажется, у Нины здорово получается, и, судя по всему, многие смотрят её с удовольствием.

— Нина, это не глупо, — говорю я как можно более спокойным голосом.

— Именно так мы с мамой и хотели провести время после долгого рабочего дня, — шутит папа.

Мама смеётся. Даже я слегка улыбаюсь, хотя и волнуюсь.

Наконец все в зале расселись, и мистер Макинтош занимает место во главе стола, за которым сидят члены комитета. Я не знаю, как зовут остальных, знаю только мистера Макинтоша, потому что он работает в школе.

Собрание начинается, и я слегка разочарована тем, как долго приходится ждать, пока дело дойдёт до «инициатив». Комитет обсуждает измене-